

Уход Венеры от Шудого

«Как, оказывается, здорово находиться рядом с Гуру Рулоном, – подумала Венера, выбегая с чтения, – почему же я раньше этого не понимала и не ощущала, – как тут радостно, весело. Впервые я ощущаю себя такой счастливой и наполненной, как будто никаких проблем и нет».

Тем временем самки уже стали готовиться к отбою.

– Ну, все, Венера, давай вали к Шудому, он сегодня даже баню тебе истопил, – сказала Прима, накладывая дорогой крем на свою гладкую кожу.

Как обычно, собрав свои шмотки, Венера отправилась в баню к Шудому, но впервые она не ощутила от этого радость, как было всегда, а, даже наоборот, внутри появилось какое-то чувство брезгливости. Ей показалось, что, чем дальше она отходила от дома Силы и приближалась к бане, где ее ждал Шудой, тем ее светлое и наполненное состояние становилось все менее светлым и постепенно омрачалось.

– Что-то ты сегодня долго не приходила, – сказал Шудой, впуская ее в свою конуру, в которой стоял старый деревянный стол, печка с кучей дров и газетой для растопки и грязный матрас с парой одеял.

– Посмотри, я даже сегодня убрался – тебя ждал, – гордо сказал он. Но порядок этот заключался лишь в том, что на этот раз не было грязной посуды, разлитого чая на полу и кучи мусорных пакетов, которые Венере приходилось каждый раз, когда она приходила к Шудому, убирать.

– Хочешь пить? – засуетился Шудой, немного испугавшись, почему это Венера сегодня какая-то странная, неразговорчивая.

– Хочу, – безразлично ответила она.

Взяв новую бутылку «Пепси колы», Шудой хотел было ее открыть, но не смог удержать ее в руках, и бутылка ебнулась на пол. Суевливыми движениями он снова ее поднял и попытался открыть трясушимися от волнения руками, так как обычно ему никогда даже бутылки самому не приходилось открывать, а тут он решил сыграть роль хуева джентельмена. Но снова и снова бутылка выпадала из его корявых рук, каждый раз ударяясь о пол. Наконец-то, раз на десятый, распахивавшись, Шудой усилием воли одной рукой крепко вцепился в бутылку, а второй стал откручивать крышку. От многократного взбалтывания пена подступила к самой крышке, и в тот момент, когда дебил все-таки ее снял, «Пепси-кола» охуенным фонтаном прыснула ему в ебальник, облив придурка с головы до ног.

– Вот блядь, а, – только и смог сказать он. Затем в растерянности идиот жалостливыми глазами посмотрел на Венеру: мол, помоги все убрать, но, увидев, что Венера презрительно улыбается и даже не собирается этого делать, как беспомощный ребенок, стал искать тряпку. Но, не найдя ничего похожего, в конце концов схватил свою рубашку, висящую на кривом гвозде, и стал ей возить по полу, только еще больше размазывая грязь.

«Еб твою мать, – схватилась за голову Венера от внезапного прозрения, – так он же полный дебил и даже хуже, Господи, с кем я сидела, кому верила – этому уроду. Но почему я раньше этого не видела? Он же полное ничтожество, урод, чмо, – ужасалась про себя Венера, наблюдая, как Шудой не может даже отжать тряпку и догадаться протереть залитый сладким напитком пол чистой водой. В одно мгновение перед Венерой пронеслись картины, как Шудой просил ее каждый раз завязывать шнурки, так как в свои двадцать пять лет он был не способен этого сделать, ведь ему бабушка всегда завязывала, как он постоянно избегал Тантры, прикрываясь разминками и боясь, что она увидит в очередной раз его кривую пипетку, как он не мог знакомиться с бабами, а только мог прилипнуть к бабам в Рулон-Холле, пользуясь тем, что он наставник. Затем Венера ярко вспомнила все, что сегодня она слышала на прогулке про то, как урод водил машину, и теперь как он не способен оказался даже

просто открыть бутылку. – Боже мой, как же я всего этого сразу не заметила, – сама себе удивлялась Венера, – это же ничтожество, как я могу находиться с таким уродом. Мать, сука, нихуя не научила меня разборчивости – вот уродина, научила меня раздвигать ноги перед каждым уродом, алкашом, бомжом. Но нет, все, хватит. Теперь-то я знаю, с кем я должна находиться – с Мудрецом, с Великим Гуру Рулоном. Только с Гуру Рулоном я ощущаю себя по-настоящему счастливой, радостной, беззаботной. Больше я не буду тратить свою энергию и силы на этих бомжей: Серж, Ослов, Шудых и прочих дебилов». Решив так и не желая больше задерживаться с придурком ни минуты, Венера, схватив свои манатки, помчалась в дом Силы.

– Подожди, ты куда? Вернись, – с жалким видом крикнул Шудой.

– Я все поняла! Я хочу быть только с Великим! – крикнула ему в ответ Венера.

Лосиная схватка.

Лето. Рядом с шикарным коттеджем Гуру Рулона стоит жутко кривое, косое сооружение из прогнивших бревен, досок, опилок и прочей хуйни, наполовину провалившееся в землю, которое называется баня. Именно здесь и живут лоси – это людей так зовут. Но стоит войти внутрь так называемой бани, то сразу понимаешь, что внешний ее вид просто великолепен по сравнению с тем, что творится внутри.

Жуткий запах чего-то протухшего, прогнившего, гнилого, вонючего – это отличительный признак сего жилища. Возле перекошенного окна, наполовину ушедшего под землю, стоит кривой кусок в некоторых местах переломленной фанеры, которая крепится на разной длины корявых палках – это есть стол, на который очень трудно и практически невозможно поставить какой-либо сосуд с чем-то жидким, а тем более что-то круглое, так как это все выливалось, вываливалось, высыпалось на того, кто решил пожрать. Посреди этого чудного помещения стояла кирпичная стена, которая делила ее на две так называемые комнаты, одной из которых раньше была сауна, а теперь кухня, а другая – парилка, а теперь спальня. На деревянных парилочных досках преспокойно как обычно лежал Гну, любитель поваляться, подрыхнуть и пожрать, за вышеописанным столом сидел Нандзя, ковыряя в носу и мастера из очередных пластиковых бутылок гантелю. И только одному, самому здоровому, лосю Шудому было не спокойно. Несмотря на свой двухметровый рост, который не позволял ему полностью выпрямиться в метровой высоты бане, согнувшись в три погибели, на полусогнутых он ходил взад-вперед от валяющегося Гну к сидящему за косым столом Нандзе и – судя по его возмущенному ебальнику, который от беспокойных мыслей аж покраснел – хотел что-то явно сказать, но, видимо, выбирал подходящий для этого момент. Вокруг валялись горы мусора: пустые коробки из-под кефира, молока, гандоны, грязные трусы, фантики, разлитый чай на полу, на столе засохший творог, хлеб, куча золы, остатки дров, угля и другая параша.

– Может, мы все-таки займемся уборкой? – как обычно забубнил Шудой, боясь посмотреть на Нандзю, а особенно на Гну, для которого абсолютно отсутствовало слово «уборка».

В ответ послышалась полная тишина, что Шудого ввело еще в большее бешенство.

– Скоро прогулка, потом уже не будет времени убираться, и мы опять будем спать в сраче, – снова забубнил себе под нос Шудой и еще быстрее зашагал по бане, тщательно прислушиваясь, есть ли хоть какая-то реакция от его сожителей. Но, как ни странно, Нандзя совершенно спокойно продолжал делать свою гантелю, уже привязывая наполненные водой пластиковые бутылки к какой-то корявой палке.

Гну же перевернулся на другой бок и благополучно продолжал давить матрас.

Внутренний псих Шудого уже доходил до предела и постепенно начал вырываться наружу. Уже не контролируя себя, идиот только хотел быстрее зашагать,

но забыл нагнуться в очередной раз и ебнулся об косяк двери прямо своим несуразно торчащим шнобелем и снова уже более истерично обратился к двум другим лосям:

– Слушайте, неужели вам не противно жить в таком сраче, у нас не только мыши теперь будут с тараканами, а скоро динозавры заведутся. Я не знаю, как можно работать в такой обстановке, – снова начал он свой нудный монолог, который абсолютно никаким местом не еб других двух лосей.

Но силы Гнилого были на исходе, и каким-то чудом он все-таки выдавил:

– Водяс, может, ты все-таки вымоешь посуду? – нервно сказал Шудой и пошел от Водяса в противоположную сторону.

– Вот возьми и помой, – наконец-то проснулся Нандзя, продолжая прикручивать свои бутылки.

– Ты вообще в своем уме, нет? – взбесился Шудой от такого дерзкого заявления, так как он всегда считал Нандзю безответным мальчиком на побегушках, но в последнее время он с какого-то перепугу стал борзеть. На Гну Гнилой вообще, даже и в мыслях, боялся залупнуться, так как заранее боялся, чем это может закончиться.

– Между прочим, мне нужно писать мемуары, а вот тебе делать все равно нехуй, так что давай мой посуду ты! – уже с большим напором пернул Шудой, ебанув в стену кулаком, пытаясь слегка припугнуть Водяса. Но не тут-то было.

– Да пошел ты на хуй! – резко бросил ему Нандзя и, встав, начал поднимать свою водную гантелю.

– Ты че борзеешь, совсем страх потерял, урод? – в бешенстве заорал Шудой, злобно посморевав на Нандзу, который с такой же наглой рожей смотрел на него.

Гну же, услышав какие-то странные голоса, лениво позевывая, посмотрел на двух сцепившихся лосей и снова задрых.

– А мне че тебя тупорылого бояться? Ходит строит из себя писателя хренова, чмо! – выругался Нандзя, перекидывая самодельную гантелю в другую руку.

– Ты че, Водяс-пидорас, шизоид ходячий, астролога ебучий, – до хуя оскорбленный, заорал Шудой, все ближе подходя к Нандзе.

– Ты, блядь, лох, хренов, ручку сначала научись держать, а потом пиши, козел. Накарябал три буквы и ходит, гордится, хуесос, блядь! – последовало очередное обсирательство со стороны Водяса, который, не шелохнувшись, продолжать играть со своими водными бутылками.

И это была последняя капля, которая переполнила чашу терпения Шудого. Взбесившись, Гнилой набросился на Водяса, который в два раза был меньше его по габаритам и, зажав его качан в изгибе локтя, начал его душить.

– Ах ты, сука! – не ожидав такого поворота, заорал во всю глотку Нандзя и, резко присев, со всей дури схватился своей лапой в яйца Шудого.

– А-а-а-а! – истошно завопил Лось, тут же отпустив Водяса и схватившись за свои яйца.

– А можно потише? – как ни в чем ни бывало, сказал Гну спросонья и залез под одеяло.

– Сука-а-а-а-а!!! – выл от боли Шудой, загибаясь, а Водяс с ухмылкой, с блеском ненависти в глазах, ехидно похихикивая, наблюдал за этой сценой. Уже расслабившись, Водяс на свою беду отвернулся и опять попер к столу, и именно в этот момент Шудой набросился на него со спины, ебнул в ебальник, и, впившись со всей силы ему в плечи, рывком бросил его на кривой стол, который под его тяжестью тут же рухнул на пол. Шудой, не удержав равновесие, всей своей массой ебнулся прямо на него. Водяс, ни на шутку обосравшись от такого обвала на него, в бешенстве стал лягаться ногами и руками, хуяря Шудого, куда ни попадя. Уже практически без сил Здоровый Лось решил взять массой. И, в очередной раз заехав Водясу по ебалу, с разворота швырнул его в кирпичную перегородку, которая разделяла баню на два отсека. В это время ничего не подозревавший Гну продолжал преспокойно спать. И

вдруг охуительный грохот: груда кирпичных осколков засыпала его, и что-то очень тяжелое рухнуло следом прямо возле его лежанки.

– Блядь, вы дадите мне сегодня поспать? – соизволил на три сантиметра от подушки поднять голову Гну. И тут он увидел распластавшегося среди разломанных кирпичей полуживого Водяса, охуенную дыру в кирпичной перегородке, из которой наполовину вывалилось несуразное тело Шудого, частично валяющееся сверху тело Нандзи.

– Ха, придурки, – усмехнувшись, сказал Гну и снова захрапел, как ни в чем ни бывало.

Минут через пять, видимо проспавшись, Водяс с Шудым вырыли себя из руин, отряхнулись и, молча, пошли готовить хавчик.

Шудой и Пушкаш

Проснувшись поутру у Пушкаша после метода, я обнаружил, что он грузит какого-то наркушника глупой идеей.

– Ты понял, что ты будешь сидеть там сторожем за копейки? – распинался Пушкаш. – Давай-ка мы устроим ограбление твоей конторы. Вынесем оттуда пару компьютеров и промудим их, накупим кайфу, наколемся. Ты нам поможешь, а сам прикинешься лохом, мол, не слышал, как их украли. Так, за ночь мы подзаработаем пару тысяч долларов, сечешь? Эй, – обратился он ко мне, – присоединяйся к нам, разживемся. Я уже знаю, кому сбыть эти компьютеры.

– Игра не стоит свеч, – ответил я.

– Почему это?

– Да очень просто. Минимум нам за такое дадут года три. Хотел бы ты получить пару тысяч долларов за то, что три года просидишь на зоне?

– Да нас никто не поймает, это точно, – стал уверять Пушкаш.

– От сумы да от тюрьмы не зарекайся, – ответил я. – Спалиться можно даже на самом путевом деле и этих долларов не хватит даже для того, чтоб откупиться в ментовке. «Если есть голова», – учил меня Рулон, – «то бабки можно накопить и без криминалу, ничем не рискуя». А так как вы, воруют токмо те, у кого шариков не хватает.

И хотя впоследствии я узнал, что они провели этот скок удачно, я все равно придерживаюсь этого мнения, шо нужно учиться не воровать, а торговать, хотя бы и говном.

После болды сильно хотелось жрать, но жрать в этой хавире было нечего. Я взял кусок газеты и стал его жевать, чтоб заглушить голод.

– А есть тут поблизости магазин? – спросил я у Пушкаша.

– Да, есть, токмо бабок нет.

– Да, у меня-то есть. Я тут говна на пару сотен баксов продал, так шо теперь есть на шо похавать.

– Да, ничего себе, – удивился Пушкаш.

– Эй, Эдик, сбегай-ка за провиантом, а у меня к тебе дело есть, – сказал мне Пушкаш. – Дело на миллион. Знаешь, я тут решил сделать изоляционную ванну, в которой богатые бизнесмены будут проходить мистические практики.

– А шо это за ванны? – заинтересовался я.

– Да это такая ванна, в которой поддерживается температура воды 36 градусов.

Полностью темно и глухо, как в танке. Лежит там чучик и теряет ощущение себя, и потихоньку входит в тонкий мир, всасываешь? Виденья, в общем, всякие начинаются.

– Вот здорово, – размечтался я от рассказней о ванне.

– Дак вот, секи, я решил написать во все фирмы совковские и зарубежные, что ишу спонсоров для создания такой ванны. Так мы с тобой сможем найти и капитал для нее, и

клиентов из богатых бизнесменов, которые захотят валяться в этой ванне. Прикинь, как классно.

– Да, вот это идея! – глупо обрадовался я.

– Да, вот, сейчас нужно красиво напечатать письма, во все эти фирмы разослать. Только вот башлей на это нема. Не мог бы ты мне на недельку-другую занять пару сотен баксов? – сказал Пушкаш.

Очаровавшись идеей, я быстро раскошелился, и с этого все и началось. Из бизнесменов никто на эту идею не клюнул, а Пушкаш не собирался отдавать мне должок. Хотя прошло уже полгода, он все тянул резину.

Как-то раз мне все это уже стало надоедать, и я круто наехал на него. Притащившись к нему на хату, где он гудел с несколькими друзьями, я заявил:

– Ну шо, хватит тебе вола-то ебать. Давай деньги возвращай-ка мне живо!

– Да у меня пока нету, – стал он петь свою известную песню.

– А на шо ты собирался ща идти надыбать марихуанны?

– Ну, там не вся сумма, только часть, да и покайфовать нам нужно.

– Нихуя, – заявил я, – давай то, шо есть, а потом отдашь остальное, понял?

– Но мы же друзья, – стал заливать Пушкаш. – Ты подожди, я отдам.

– Нехуй на дружбу кивать! Давай бабки выкладывай, живо! – разбесился я.

– Ну, хорошо, – согласился Пушкаш и, выйдя из коридора, направился к друзьям. Через минуту они вернулись все вместе. Кто-то потушил свет, кто-то бросился мне под ноги, я упал. Они начали скручивать меня.

– Ну шо, деньги тебе нужны? Ща тебе будут деньги, сука!

Скрутив меня, они принялись меня душить, сдавливая мне горло. Я хрипел и вырывался, весь покрывшись холодным потом. От страха и удушья мне хотелось вздохнуть, но я не мог и невыразимо мучался, погружаясь в какое-то марево. Не знаю, сколько прошло времени, но скоро я очнулся на лестничной клетке Пушкашева подъезда. Вскочив, я со страху бросился наутек со всех ног и только тут обнаружил, что я, оказывается, жидко обосрался. Говно потекло по моим штанинам и капало на тротуар. Но это не смущало меня. Я несся подальше оттуда, как угорелый. Обосранный, но довольный, шо остался жив, шо мучения позади. Я бежал, пока не выдохся и только тогда задумался. Что же мне теперь делать? Я бежал без единой мысли от этого стрессу. Весь мой диалог отключился. Так шо это был настоящий бег силы. Я радовался, что вырвался оттуда, хотя мало радости было-то на самом деле от того, что я остался жить. Ведь именно от того, шо я еще живу и проистекают все мои страдания. Не родила бы меня проклятая мать, и я бы не мучился, не носился бы щас по городу с обосранными штанами.

Шудой и Бочка

В это время так же нелегко было Бочке. Увидев, что одна дура безнадежно исчезла, Шудой, не теряя оптимистического настроения, с вытянутыми граблями стал подползать к Бочке, которая только что угорала вместе со всеми над Хиппой. Подойдя уже почти вплотную к Бочонку, Шудой хотел было ее замазать, но Бочка, всегда отличавшаяся своей скоростной реакцией, несмотря на ее округлость, неистово стала отбиваться своими пухлыми, короткими руками, пятясь назад.

– Ты че, дурак, иди на хуй! – говорила Бочка, не зная, что делать в этой ситуации: то ли плакать, то ли смеяться. Но Шудой, предпочитая сам кого-нибудь изнасиловать, чем его изнасилует Кочерга, уже более настойчиво стал цепляться за плечи Бочки. Тут терпение Бочонка лопнуло. Взбесившись, она сжала кулаки и стала лупасить ими Шудого. Но, к ее несчастью, здоровый амбал мало ощущал на себе удары ее маленьких кулачков. Потому он уже основательно вцепившись за руку, стал тащить ее в центр зала. Охуев от такой борзости, Бочка еще больше взбесилась и вцепилась зубами в руку «насильника», от чего он громко завопил. Бочка настолько сильно сжала

свои зубы, что теперь и не знала как отцепиться. Шудой, изнывая от боли, стал избавляться от сумасшедшей, за одну минуту миллион раз пожалев, что он полез к ненормальной. Рулониты в буквальном смысле слова попадали со своих стульев, наблюдая этот спонтанный бой без правил. Наконец, Бочке видимо надоело нюхать потную руку Шудого, и она, отцепившись от него, напрямую ломанулась к люку и, забыв о том, что там стоит чайник с вентилятром, так и рухнула прямо на них.

– А-а-а! – повскакивали со своих мест рулониты, увидев, как разлившийся кипяток стремительно направляется к их задницам. И, схватив первые попавшиеся тряпки, стали вытирать воду. А Бочка, пользуясь моментом, быстро исчезла под крышкой люка.

– Вот пидорас ебучий, – ругалась Бочка, сползая с лестнице, – дебил, урод, свинья.

Шудой Нагваль ☺

– А кто будет медиумом?

– Я, конечно, – с трудом прожевывая напиханные до отказа пельмени, сказала Хитрощелая, обтирая жирные руки об грязный живот.

– А ты откуда умеешь? – поинтересовалась Сингарелла, зажигая свечу и благовония.

– Да я, к вашему сведению, на спиритических сеансах собаку съела, – гордо сказала свинья, лениво потянувшись и почесав прыщавую от грязи жопу.

– И кто это тебя так надročил? – спросила Хиппа, дорисовывая на плакате недостающие символы.

– Кто, кто – Шудой, конечно. Он же вообще помешан на всех этих штуках. И вот в то время, когда мы с ним партию Нагваля создавали, он меня насильно заставлял делать спиритические сеансы, урод, блядь, – вдарилась в воспоминания Хитрощелая, заглывая одно за другим пирожные.

– Ой, а расскажи, расскажи, интересно, – пристали самки.

– Ох, веселое же это было время, – закатив лупы, начала Хитрощелая, – мы тогда жили с ним вместе – что-то вроде семейки было, но мы, конечно, это называли по-другому. Он был мужчиной-нагвалем, а я женщиной-нагвалем. Если честно, меня все это не сильно-то прикалывало, ну, по-крайней мере, не в такой степени, как его, а для меня самым главным было то, что у меня есть бомж, и я готова была потакать всем его прихотям. Вы бы видели, какой дистрофичной я с ним была.

– Н-да, по тебе не скажешь, – сказала Хиппа, посмотрев на заплывшую жиром Хитрощелую.

– Вот пожилы бы вы с этим извергом, тогда бы сразу поверили, – сказала Хитрощель, – он же мне жрать толком не давал, зато я ему и жрать готовила, стирала его потники, убирала за ним говно.

– И на хуя ты это все делала? – удивилась Сингарелла.

– Так я же думала, что он Нагваль, а значит, я должна это делать, тем более он объяснял, что все это духовные практики, и я как овца верила. Он меня пиздил, издевался надо мной, как хотел, но я все героически терпела, думая, что совершаю усилия, духовно расту, – распизделась Хитрощелая. – Я делала все, как он хотел. Помню, умотаюсь за весь день на работе, а я тогда нянечкой в детском саду работала, с выпиздышами возилась, это просто какой-то пиздец, деньги зарабатывала, а иначе бы мы с ним с голоду сдохли. Так вот, сначала выродки все соки выжмут за день, потом я прихожу вечером домой, а там этот придурок, который, кстати, ни хуя не работал, жил только за мой счет. И вот мне надо было ему приготовить, убрать и т.д. Уже часа два ночи, я валюсь без сил, зная, что в шесть, а иногда и в пять часов утра мне надо вставать, а этот придурок орет:

– Куда завалилась, свинья? Сейчас самое время для магии, а ты дрыхнешь. А ну, вставай быстро, будешь учиться спиритическому сеансу.

Я, вся зареванная, вставала и с косыми глазами пыталась словить каких-то не понятных духов, если же я отказывалась это делать, то разговор со мной был короткий – он сразу пиздил меня, куда не попадя, потому в следующий раз мне уже не хотелось спорить с уродом. И вот так я быстро научилась и гадать на картах, и с духами общаться, и глюки ловить. Вот так-то вот! – закончила свой рассказ Хитрощелая.